

18+

Лариса Лактионова

ПОСЛЕДНИЙ РЕЙС

Лариса Лактионова

Последний рейс

«Издательские решения»

Лактионова Л.

Последний рейс / Л. Лактионова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-553176-6

Книга написана на основе реальных событий. О женщине, духу которой можно только позавидовать! От Карибского моря до России... Пройдя 9 стран с рюкзаком и гитарой. О женщине, которая так сильно хотела жить!

ISBN 978-5-00-553176-6

© Лактионова Л.
© Издательские решения

Содержание

Последний рейс	6
– Войдите! – рявкнул кэп	8
– А..., а..., а... пошёл ты!...	9
Старпом схватил трубку	14
– Тебе хорошо?	18
И простил радиста	25
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Последний рейс

Лариса Лактионова

© Лариса Лактионова, 2021

ISBN 978-5-0055-3176-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Последний рейс

Начальник рации, Славик, красивый, кудрявый, высокий, стройный, но с опухшей от недельной пьянки мордой, открыл глаза и потянулся. Откинул простыню и спустил ноги с кровати. Нет, с пьянкой надо завязывать, подумал с досадой он. Шесть вахт задолжал радиосту. Он подошёл к умывальнику, и в зеркало, посмотрел сам на себя, и вместо голубых, красивых глаз, увидел две припухшие щёлочки.

– Ну, и харя! – С отвращением сказал он себе. – А всё Люська, дура, – подумал он, со злостью, о жене. – Забодала своей правильной и трезвой жизнью на берегу. Нет бы, как нормальные люди, в ресторан сходить, или к кому-нибудь в гости и оттянуться по полной, от души. Нет! Водит по консерваториям, да по театрам. И ведь отказать не могу. Люблю её заразу. А душа просит алкоголя.

– Чучело! – сказал он себе. – Влип ты основательно. Связался по пьянке с Шурочкой. А эта бандэровка и рада. Прилипла, как банный лист. Ну, потрахались по пьяне, ну попили водчонки и всё, разбег. У меня жена и я её, ни на кого не променяю. Что делать?

Славик, почесал за ухом, нечёсаную, кудрявую голову.

– Хорошо ещё только начало рейса. Надо пока не поздно рвать отношения.

Славик взял полотенце и сиганул в кабинку душа. Врубил забортную воду. Фыркающая и плескающаяся, стонал и кряхтел, под ледяной водой. Затем до красноты растёр тело махровым полотенцем, побрился, причёсался. Одел крахмальную белую рубашку, идеально отглаженную, умницей и чистюлей женой, накинул клифт и пошёл к капитану. Негромко постучал в дверь и услышав в ответ, – войдите! – осторожно открыл и вошёл в каюту кэпа.

– А, явился? Давно я тэбья нэ видел. Что с тобой Слава? Ты, что заболел?

– Да, нет! Сорвался. Простите меня. Больше этого не повторится.

– Ладно. Присаживайся. Голова болит? Открой холодильник. Хлопни рюмку фундадёра. И нарзанчика достань. Мне тоже. Жара. Но смотри, чтоб это было в последний раз.

Славик достал бутылку коньяка и минералку. Налил рюмку себе и выпил. В голове прояснилось и сразу полегчало. Кэп, исподтишка, наблюдал за начальником радио. К этому парню он относился с большой нежностью, как к родному сыну. Вёл его с курсантов. Забрал к себе на судно. Парень был хороший и специалист замечательный, но в этот раз, что-то задурил. «Пиночет», то есть помполит, уже два раза докладывал, что к нему захаживает по ночам, Шурочка, уборщица с верхних палуб. И, что он в ней нашёл, в этой зачуханной замухрыжке? Морячка, а одеться не умеет. И юбка на ней из какой-то мешковины. У него ведь жена красавица. Ох и ягодка- малина! Если бы, не была женой Славика, сам бы глаз положил. И рядом с женой, Шурочка, ни в какие ворота не вписывается.

– Ну, что джигит молчишь?

– А, что говорить, Александр Романович? Виноват. Кругом виноват. И совесть заела. Как Люське в глаза буду смотреть по приходу? Сделал глупость. Теперь не вернёшь своего поступка. Верите? Прошу её, как человека, отстань от меня. Всё. Хватит. Нет, дура, твердит, что если меня бросишь – выброшусь в море. Александр Романович! Пожалуйста, поговорите с ней. Пусть она от меня отстанет. Знаете ведь, какая у меня Люська ревнивая. Она же мне, все глаза выцарапает.

– Ладно. Пагаварю! Иди работай! А, пойло – ни, ни.

– Всё. Завязал. Честное слово.

Славик вышел от кэпа и направился в радиорубку. Капитан встал из-за стола. Прошёл к иллюминатору. Посмотрел за борт. С досадой почесал затылок. Не было печали, так черти накачали. И зачем он пообещал Славике уладить его любовные шашни? Сам заварил, сам и расхлёбывай. Но слово не воробей. Согласился – значит делай. Александр Романович, всегда дер-

жал данное слово. И сейчас, хоть это ему было очень неприятно, позвонил на мостик третьему штурману, чтобы тот сделал объявление по судовой трансляции, срочно пройти к капитану, уборщице Осипчук. В дверь тихонько постучали.

– Войдите! – рявкнул кэп

Осторожно закрыв за собой дверь, неслышно ступая по мягкому ковру, в кабинет капитана, вошла высокая, черноволосая, дородная, молодая женщина, с ярким румянцем на щеках. Кэп посмотрел на бумаги, лежащие перед ним на столе. Крякнул, и поднял свои чёрные, навывкате глаза, на женщину, стоящую в его кабинете перед рабочим столом.

– Ну, что Шура? Как тебе на судне? Нравится?

– Та, ничего. Усэ наравыться.

– Ты вот что, Шура, прекращай эту аморальщину. Сама должна понимать, у нас загранийс. Начальник радио, человек женатый. Оставь его в покое.

– Ни. Нэ можу. Я ёго люблю.

– Шура! Ты, что ненормальная? Я тебе русским языком говорю, что мужик он женатый и, как капитан тебе приказываю оставить его в покое. Ещё раз узнаю, что ты шастаешь к нему по ночам – спишу с судна и поставлю вопрос о гоне с флота. Ты меня поняла?

– Та люблю я ёго. Що ж цэ такэ?

Она сорвалась с места и, опрометью, выскочила из каюты капитана. Капитан рванул за ней, но Шура, уже стучала каблучками, по трапу вниз. Капитан постучал кулаком в дверь четвертого штурмана, и велел ему догнать уборщицу, и привести её к нему в каюту. Штурман галлопом помчался вниз за Шурочкой. А, Шурочка, открыла тяжёлую, железную дверь и выскочила на палубу. Пароход шёл навстречу ветру, разрезая носом очередную волну. Четвёртый штурман, молодой человек, небольшого росточка, хрупкого телосложения, но подвижный и шустрый, увидел, как женщина подбежала к правому борту, и сиганула за борт, при этом, её широченная юбка, зацепилась за край рваного железного бака, стоявшего у борта и оставленного, по-видимому, боцманской командой. Штурман подбежал и ухватившись за подол юбки, пытался вытащить женщину на борт судна, но это ему было не по силам, так как женщина была крупная и весила намного больше штурмана. От тяжести висящего за бортом тела и от сильного напряжения, лицо его побагровело. По правому борту неспеша шёл третий механик. Штурман хрипло выкрикнул ему:

– Па – па – па – ма -ги!

Механик посмотрел на штурмана и сказал:

– А..., а..., а... пошёл ты!...

Через несколько минут прибежали четыре здоровенных матроса и вытащили Шурочку на борт. Шурочку на неделю закрыли в изоляторе. Главный врач и помполит проводили с ней воспитательную работу и курс психологического лечения. Через неделю Шурочка, пообещав больше не совершать проступков, несовместимых с честью и достоинством советского человека, запрещающих нарушать Устав дисциплины Флота рыбной промышленности, приступила к своей работе.

Принимая вечернюю трапезу, капитан строго посмотрел на третьего механика.

– Ты пачэму нэ памог штурману и послал его?

– Я..., я... – заикаясь сказал механик, – хотел спросить его, а что ему надо, но не сумел выговорить. Я думал он меня передразнивает. Я ведь заикаюсь.

В кают-компании все зашлись от смеха.

Алиса шла по коридору нижней палубы, а горький комок обиды стоял в горле. Столько сил потрачено, чтобы от мазута отдраить переборки и палубу. Не прошло и часа, и вновь, всё загажено. Утерев глаза и проглотив обиду, принесла ведро горячей воды и снова вымыла мат, положенный перед дверью в коридор. Задраила дверь, казалось бы, намертво и снова принялась драить палубу от мазута. Вылила грязную воду, помыла руки и, выйдя из гальюна, услышала скрежет барашек, которые кто-то с остервенением отдраивал. Сердце Алисы тревожно забилося. Она интуитивно почувствовала, что вот они идут, её обидчики, из-за которых у неё всё время неприятности с судовой властью и врачами.

– Ты смотри Витёк, пол-часа назад мы здесь всё измазали. Вот зараза и когда она всё успевает? Может хватит? Пошёл он нафик этот старпом. Нравится ему девку изводить, пусть сам гадости ей делает.

– Ты, что козёл, опупел? А зачем тогда водяру старпома пил? Нет уж, если жрал водку, так отработывай! Вот сука! Ну, не хочешь трахаться с комсоставом, так ты хотя- бы работяге дай. Я бы, знаешь Козёл, таких баб, на месте отдела кадров, в море бы не выпускал. Ну, нафик они нужны? Ни себе, ни людям. Как собака на сене, целку из себя строит. Только за это буду ей гадости делать.

Витёк вернулся на палубу, подошёл к бочке с солярой, открыл пробку, наклонил и немного вылил себе на сапоги. Затем, минут пять, ёрзал ногами по железной палубе, растирая сапогами мазут и стараясь его весь собрать на кирзухи. Затем, переступил мат и коминс коридора, пошёл по палубе, скользя сапогами и стараясь, как можно больше втереть мазут в линолиум. Дойдя до лаза трюма и увидев, стоящую у переборки Алису, он достал, демонстративно, из кармана робы пачку Беломора, дал папиросу Козлову и взял для себя. Прикурил и пыхнул Алисе в лицо.

– Ну, что краля стоишь? Меня ждёшь? Таких трахать надо.

– Да пошёл ты! У меня сиська больше, чем у тебя писька. С таким пачкаться, себя не уважать.

Витёк швырнул папиросу на палубу и растоптал сапогом. Вскинул руку для удара, но её перехватил Козлов. Алиса отскочила в рукав коридора.

– Ты, что Витёк, совсем обалдел? Заход скоро. Хочешь чтобы тебя визы лишили? Пошли работать. Перекур кончился.

Витёк от огорчения плюнул и сочно высморкался на палубу.

– А и хрен с ней, – сказал он и полез по трапу вниз в трюм. Козлов двинулся за ним.

Алиса озверела от бешенства. Мало того, что опять изгадили мазутом весь её объект, так эта сволочь ещё и высморкался на её палубу. Она подлетела к лазу трюма, заглянула вниз

и увидев, что её обидчики спускаются по вертикальному трапу вниз, почти вежливо попросила их вернуться.

– Ребята! Убедительно прошу подняться наверх и убрать всё, что вы здесь натворили.

– А пошла ты... – услышала она ответ Витька.

Ослеплённая обидой, Алиса схватила тяжёлую крышку люка и даже не соображая, что она делает, швырнула её в лаз люка. Снизу послышался грохот, крики, стоны. Алиса посмотрела вниз. Витёк и Козлов лежали на палубе трюма, но стонов слышно не было. Осознав, что из-за обиды и злости, убила двух мужиков, тюрьмы всё равно не миновать, берег далеко, за дверью Атлантический океан, а значит смерть. Алиса, со всех ног, бросилась в медсанчасть. Через десять минут Витька и Козлова достали из трюма.

– Алиса иди к себе в каюту. Они живы. У них просто шок от испуга. У Козлова перелом ключицы, а у Сосова перелом ноги. От этого не умирают.

Главный врач, Степан Иванович, скорбно посмотрел на Алису и погладил по плечу.

– Ничего девочка, держись. Бог не выдаст, свинья не съест. Я поговорю с кэпом. Эти скоты виноваты сами. Я уже докладывал капитану о их художествах.

Алиса понурив голову тихо пошла к себе в каюту. Подавленная и сильно расстроенная, вошла в каюту и сгорбившись, присела на диван. Ненавидящим взглядом уставилась в открытый иллюминатор, как-будто там, за кромкой горизонта, могла что-то увидеть, или прочитать из своей прошлой, или будущей жизни.

– Ну, что за непруха, – обижено, спросила она себя. – Никого не трогаю, никому ничего плохого стараюсь не делать, а всё получается, как раз наоборот.

В день отхода судна в рейс, погода была отвратительная. Грязь, слякоть, дождь со снегом. Ну, такая хлябь, ноги из месива не вытащишь. Алиса не любила уходить в море в плохую погоду. Примета плохая. Гадкая погода – тяжёлый рейс. Нет, не физически. Работы она не боялась. Тяжёлый морально. Таможенники в этот раз, долго шмонали судно, а потом до самого КПП, бухали в каюте дублёра капитана. Забодалась тарелки с закусками таскать. Пожрать и выпить на шару, сами не свои. Наконец-то, к двум ночи, убрались на свой катер, пьяные, сытые и со свёртками в портфелях. Вот житуха у этих котов! Живут на берегу, ни штормов, ни качки голова-жопа, а зарплата поболее моей в несколько раз. Да ещё подношения берут. А как не брать, когда дают. По воде ходить и ноги не замочить. Так не бывает. Ну, с самого начала всё не сложилось. Устала, как собака. Носилась, как Найда, целый день: кают-компания, каюта дублёра. От дублёра – к капитану. Им что! Сидят, пьют. Шуточки, анекдоты. Только после отбытия КПП, плюхнулась в койку. Стук в дверь. Вахтенный матрос говорит:

– иди к дублёру. Зовёт.

Ну, что идиоту надо? Чистюля хренов. Не может подождать до утра? Видите ли ему срочно нужно убрать со стола.

Алиса собрала все грязные тарелки в стопочку, и подхватив руками за нижнюю, приподняла их, и уже почти сделав поворот, чтобы унести посуду, почувствовала, что сильные мужские руки, взяли её за талию и оторвали от палубы. Посуда посыпалась во все стороны. Мужчина понёс её в спальню и швырнул на широкую, двухспальную кровать. Огромным, грузным телом, плюхнулся на неё, маленькую, хрупкую, сверху. Зажал её руки за спиной и припал жирными, сальными губами к её тоненькой шейке. Левой рукой, удерживая её руки за спиной, правой старался растегнуть молнию на её узких брючках. Алиса, оглушённая нападением, смотрела на жирного борова, подмявшего её под себя, полными ужаса глазами и узнала в нём дублёра капитана. Превозмагая отвращение и позывы к рвоте, выдернула левую руку и схватив тяжёлую, хрустальную пепельницу, стоявшую на прикроватной тумбочке, со всей силой двинула его по ненавистной голове. Мужчина обмяк и сползая набок, завизжал, как поросёнок.

– Сволочь, шлюха. Ты меня убила.

По его лбу, красным потоком, полилась кровь. Лицо от страха посинело. Растопыренной лапищей, он дотрагивался до рассечённого места на голове. Дублёр сполз с кровати на колени, шатаясь, со стонами и охами, не застёгивая штаны, стал подниматься на ноги. Хватаясь, перепачканными в крови руками, за переборку, двинулся к двери. Вскоре дверь хлопнула и стало тихо. Алиса встала с кровати, застегнула ширинку, в сердцах пнула злосчастную пепельницу и тихо пошла к себе в каюту. В шесть утра вахтенный помощник объявил по судовой трансляции подъём. Через несколько минут рявкнул голос капитана и приказал Алисе, срочно явиться к нему на ковёр. У Алисы ноги подкосились и от волнения кружилась голова, когда она поднималась по трапу в каюту капитана, но открыв дверь и увидев наглые морды всего цвета судовой власти, волнение мгновенно оставило её тело, кровь как-будто перестала струиться по венам. Лицо Алисы побледнело, полные губки поджались, а упрямый, раздвоенный подбородок, выдвинулся вперёд. Со своего небольшого росточка, сверкая пронзительной зеленью глаз, она свысока окинула мужиков взглядом, которые вальяжно развалились на мягких подушках большого, закруглённого дивана, сидели закинув ноги, нога на ногу. В сборе были все – помполит, председатель профкома, парторг, старпом, дублёр капитана и даже вожак комсомолки. Кэп сидел за своим рабочим столом. Дублёр напротив капитана, с перевязанной головой, а помполит, величественно, как оратор, стоял посреди огромного кабинета на толстом, пушистом ковре с поднятой рукой. Видно до появления Алисы, изрекал умные речи, да так и застыл с её появлением. Капитан поднялся с кресла во весь свой огромный рост, окинул всё сборище сердитым взглядом сверху вниз, уничтожающе оглядел Алису и с презрением спросил дублёра:

– ты, взрослый мужик, нэ сумел справиться с такой пигалицей? Ты – нэ мужчина! Мне за тэбя стыдно. Это она тэбя чуть не убила?

Все затаились открыв рты. Капитан повернулся к Алисе лицом и уставясь, своими большими, чёрными, навывкате глазами, в её застывшие глазки, сердито сказал:

– Мы сейчас же, нэмедленно, свяжемся с любым судном, идущим в порт и ты хулиганка отправишься в кадры с волчьим атесстатом. Тэбе ясно?

– Что Вы сказали? – спросила Алиса, и спокойно, и холодно посмотрела в лицо капитана. – Попробуйте только. Я Вам этого так не оставлю. На этого негодяя, – Алиса указала пальцем на дублёра, который в это время отвернул от неё лицо и преданным, собачьим взглядом уставился на кэпа. – Я по приходу в порт, подам в суд за попытку изнасиловать меня при исполнении мною служебных обязанностей. А Вам господа офицеры, скажу одно, до Москвы дойду, но все ваши золотые сопли с погон посрываю. Меня швабры никто лишить не сможет, а вашу карьеру – я сумею поломать.

Услышав смелые и наглые рассуждения Алисы, кэп одобрительно посмотрел на неё и сказал:

– Хорошо красавица. Ты остаёшься на судне. Списан будет дублёр. Опозорился – иди в порт. Но ты дорогая будешь работать уборщицей, а то ещё и меня сделаешь инвалидом. Слышишь старпом? В самый низ, в самый нос! А то там грязно очень. Всё. Свободна.

Алиса повернулась и молча вышла из каюты, громко хлопнув дверью.

Виктор Степанович Мазепин расстроен был страшно. Буфетчица кают-компании старпома, опять отказалась ночевать в его каюте. И чего ей ещё не хватает? Ну, сколько она может воевать с Алисой? Ссорятся бабы, а я здесь причём? Одно дело, если бы я Алисе оказывал знаки внимания, но ведь к ней и на сивой кобыле не подъедешь. А вчера зверюга, что сделала? И какой чёрт заставляет её вставать в четыре утра? Судовое требование к уборщице выходить на объект в пять часов утра, и уж тут, я чётко слежу. Пусть только попробуют встать позже. Наказание неотвратимо. На то я и старпом, чтобы за дисциплиной следить. Но эта зараза встаёт в четыре, когда я иду на вахту. Наверное поняла, что я ей мщу по просьбе Анжелики. Да и кэп её невзлюбил. Как её кинули – со старшей буфетчицы, в уборщицу. В самый низ, в самый нос.

Так ей и надо. Ишь шмакодявка! Ведёт себя, как королева красоты. Такое впечатление, будто идёт не по самой грязной палубе, а по подиуму. Но что же они с Анжеликой не поделили? Стук в дверь прервал мысли старпома. Не успев ответить на стук, старпом увидел, как дверь открылась и в каюту, тихонечко, вошёл начпрод Виктор Иванович Сосюра, человек обходительный, ласковый, небольшого росточка, лысоватый, ещё довольно молодой мужчина, но тем не менее, какой-то помятый и как бы пожатый. Если бы я был женщиной, подумал старпом, никогда не посмотрел бы в его сторону. Но у этого хорька любовниц не сосчитать. И что они в нём находят? И главное, делится ими, и с кэпами, и с главмехами, и даже помпалитам перепадает. Наверное это всё в специфике его работы. Командует бабами. Опять же, все продукты в его руках. Что они, сволочи, голодные что ли? Жратва ведь на пароходе хорошая.

– Ну, чего тебе? – сердито спросил старпом.

– Виктор Степанович, Вы извините меня за беспокойство. Я не посмел Вас потревожить третьего дня. Вы, как мне показалось, были заняты, но дело в том, что у нас на судне, как мне кажется, может быть ЧП.

– Что ещё за ЧП?

– Три дня назад, в 22 часа вечера, я вышел на корму подышать воздухом.

– А, что ты там делал? – спросил старпом.

– Да, знаете, что-то душно было в каюте. Тропики скоро. А кондишин почему-то не работал. Вот я и пошёл подышать, а заодно и звёздами полюбоваться. Из иллюминатора такой красоты не увидишь. Здесь звёзды не такие, как на севере. В тропиках ночью смотришь на небо, и кажется, что до каждой звезды, можно рукой достать, такие они яркие, крупные и вообще какие-то голубые и сияют. Смотришь и дух захватывает.

– Ишь ты, философ! Что ты мне здесь лирику разводишь, как поэт.

– Да нет, я просто объясняю, что стою, люблю звёздами и, вдруг, вижу, как по верхней палубе, возле трубы, крадутся двое.

– Кто?

– Не знаю. Я спрятался за канаты, чтобы они меня не заметили, но видел, что они тащили бидон и спрятали его в трубу. Ну, там знаете, дверка есть, где пожарный щит и инвентарь хранится. Они там оставили бидон и ушли. Что в нём я не знаю. Может самогон, а может брага, но ведь скоро у нас заход. А, если нажрут? И кэпу, и Вам неприятности. Вот я и решил доложить.

– Это ты правильно сделал, что пришёл ко мне. Помпе и кэпу не докладывал?

– Что Вы, Виктор Степанович! Как можно? О всех ЧП старпом первым должен знать. Зачем начальство обременять лишними заботами?

– Молодец. Пошли посмотрим, что они там притащили в этом бидоне.

Старпом и начпрод поднялись на верхнюю палубу кормы. Старпом ключом вездехода открыл дверку трубы и увидел двадцатилитровый бидон. Со злостью ударил по зажимам крышки. Крышка открылась с хлопком, как лёгкий выстрел. В лицо старпома ударил приятный хмель. В бидоне была брага, но не просто брага, поставленная на воде и дрожжах, а уже даже по запаху было понятно, что бидон зарядили хорошим виноградным соком и заправили его мёдом. Запах был одуряющим. Месяц перехода. Запасы уже давно все были выпиты. И ни одного транспорта. Ни встречного, ни попутного им не повстречалось.

– Слышь начпрод, брага классная. Кэпу ни слова! Тащим бидон ко мне. А ты дуй за путёвой закусью. По запаху понятно – классная вещь. Сегодня на траверсе судов не предвидится. Четвёртый без меня постоит. Гулять будем. Нервы сдают.

Команда смотрела фильм в кинозале. Старпом с начпродом, без помех, донесли бидон в спальню старпома. Начпрод рванул в кладовую за хорошей закуской. Виктор Иванович уже давно хотел наладить хорошие, приятельские отношения со старпомом. Капитана знал давно. Не один рейс вместе. И, если что, кэп заступится, но кэп, как ген. сек., соблюдает субордина-

цию и хоть хорошо относится, но тем не менее, приятельских отношений не допускает. А старпом с изьяном. Первый рейс, а уже зазноба. Да ещё какая! Меня, начпрода, своего непосредственного начальника, чуть ли не посылает на три буквы. Слово ей не скажи. Ишь ты фифа! Да спи ты хоть с министром, но каждый сверчок – знай свой шесток. Надо, чтобы эта дура сейчас к нему пришла. Виктор Иванович зашёл в свою каюту, подошёл к телефону и задумался. Посмотрел на судовые часы, висящие над кроватью. Часы показывали 21 час, 45 минут. Набрал номер буфетчицы старпома. Трубку никто не брал. Интересно, где эта шалава шляется? Или с кем говорит? Надо, аккуратно, подвести старпома так, чтобы он записиховал и вызвал её к себе накрыть стол. А там придумаем по ходу, как их поссорить. И он, и она взрывные. Я вообще удивляюсь, как они нашли общий язык? На отходе я видел жену старпома. Красивая баба. И говорят у него двое детей. Неужели он променяет их на эту? Да, трудно мужику столько месяцев без женщины. На безрыбье и рак рыба. А, если ещё рожица симпатёвая и фигурка в порядке, то как говорится и сам Бог велел. Я бы тоже от такой не отказался. Вот непруха. Пришлось поневоле связаться с косоглазой шефповарихой. В прошлом рейсе такой перерасход продуктов. Тому дай, этому дай. Один Лас- Пальмос чего стоил! Кэпу захотелось посидеть в ресторане, где гуляют миллионеры. Пол-кладовой пришлось отдать. Сервилат, сыр, консервы. Ладно бы, сволочи, брали только рыбу из трюма. Ну, да что делать? Работать хочешь? Барину перечить не станешь. А кто такой кэп на судне? Советская власть. Как скажет, так и будет. А иначе ищи себе место попроще.

Виктор Степанович вошёл в спальню и открыл шкафчик, в котором у него, как у старшего помощника капитана, всегда хранилось запасное бельё, которое ему положено, как старшему командиру. Виктор Степанович вырос в интеллигентной семье. Мама всегда накрывала стол белой, накрахмаленной скатертью. Отсутствие скатерти в запасном белье, повергло его в ужас.

– Ну, это форменое безобразия, – сказал старпом.

Подошёл к телефону и позвонил на мостик. Через минуту вахтенный штурман по судовой трансляции сделал объявление:

– Буфетчице срочно пройти в каюту старпома.

Анжела и Виктор Иванович столкнулись около дверей каюты старпома и несказанно обрадовались встрече. Анжела не знала какой ей найти повод, чтобы помириться с Виктором. Зла была на Алису, не видела причины, но тем не менее, почему-то ревновала её к старпому. Она первой вошла в каюту. Начпрод с сумкой подпирал её в спину. Увидев позеленевшее от злости лицо

старпома, она растерялась и хотела выскочить, но начпрод не позволил Анжеле сделать этого, резко захлопнув дверь. Вскоре недоразумения все уладились. Виктор Иванович умел всегда устранить такие пустяки, так как очень часто, лично сам, как официант, накрывал на стол для заезжих представителей министерства или иностранцев, посещавших судно по приглашению, или по случаю. Короче и в этот раз не ударил в грязь лицом, так как в его сумке, кроме хорошей закуски, всегда имелась накрахмаленная скатерть, на которую водрузилась закуска, а к ней обязательно бутылка коньяка, которую моряки называют фундадёр. Стол был накрыт. Началось застолье. Выпили фундадёра, запивая брагой. Целовались, пели про флибустьеров в дальнем синем море. Раздался звонок телефона.

– Который час? – спросил старпом.

– Пять часов, двадцать минут, – ответил начпрод.

Старпом схватил трубку

- Ты пачэму нэ на мостике? – услышал старпом хриплый голос капитана.
 - Александр Романович, мне сегодня нездоровится.
 - Когда хочешь дэвачку трахать, которая согласна тэбе дать, доложи капитану. Немедленно на мостик!
- Мазепин сорвался со стула и пулей вылетел из каюты.

Виктор Иванович проснулся поздно от жары. Кондишин опять почему-то не работал. Жажда спекла рот, губы пересохли. Открыл холодильник, чтобы достать бутылку минеральной воды, но как назло не нашёл даже кусочка льда. Холодильник оказался чист и пуст. Чтобы хоть чуть-чуть освежиться от нестерпимой жары, Виктор Иванович высунул голову в иллюминатор и сделал глубокий вдох свежего морского воздуха, и вдруг, с громким рыгом, и с запахом вчерашней браги, на его голову полились извержения влаги из иллюминатора старпома, каюта которого была выше. Виктор Иванович, наклонил голову и от отвращения, испытывая на своей голове чужую блевотину, и чтобы не захлебнуться собственной, изверг из своего желудка всё гостеприимство старпома, которое принял накануне. Когда спазмы желудка прошли, бегом побежал в душ и мылся с остервенением, а потом ещё долго стоял под струями морской воды, думая и начиная верить, что не надо, не только людям делать зло, но даже нельзя и думать, что ты хочешь что-то замыслить, так как к тебе это зло, вернётся бумерангом. Вымывшись и подобрав, пошёл на камбуз и в этот день, был со всеми добр и заботлив.

Алиса проснулась от звонкой тишины. Переборки судна не вибрировали, двигатель молчал. Качка полностью отсутствовала. Ну, наконец-то, пришли на промысел в район ЦВА. Слава тебе Господи! Алиса раздвинула шторы иллюминатора и посмотрела за борт. Рядом был пришвартован какой-то пароход. Посмотрела на часы. Без пяти четыре. Пора на объект. Привела себя в порядок, оделась и вышла на палубу. С правого борта пришвартован БМРТ «Рембрант», с левого «Сказочник Андерсона». Ну и хорошо. Загрузимся и пойдём на заход, а потом и до дома, вскоре, дошлэпаем. Скорее бы кончился этот дурацкий рейс. Замучилась уже. Только придём в родной порт, сразу же спишусь. Возьму выходные и ничего, ничего не буду делать. Только отдыхать. Посмотрела направо – берём рыбий жир, а «Сказачнику» отдаём пресную воду. У себя на судне опять все отключили. Хотя бы предупреждали. Опять кофе не попить. А со «Сказачника», что это к нам перегружают? Рыба какая-то ценная. Ишь, коробки какие красивые. Импортная упаковка. Алиса посмотрела вдаль. Огромный, яркоогненный шар, поднимался из-за горизонта, и в лучах этого, восходящего солнца, сверкает радужно чешуя рыбёшек, которые, как воробьиная стая, выпархивают из волны, сверкая и переливаясь всеми цветами радуги, и вновь исчезая в следующей волне.

– Ишь, как красиво! – с восхищением сказала Алиса.

Она пошла в кладовку, взяла ведёрко и прогуливаясь по палубе, стала подбирать ещё трепетных рыбёшек, не сумевших перелететь через пароход и упавших на палубу. Днём поджарим рыбку с Сильвией, подумала Алиса и понесла ведро с рыбой поварихе, которая умела делать деликатес из летающих рыбёшек. Закончив уборку, Алиса вошла в каюту. В каюте был дубак. Кондишин гнал такой холодный воздух, что впору было одевать валянки. Регулятор почему-то не работал. Алиса отключила кондишин и открыла иллюминатор. Корма «Рембранта», как раз вровень с иллюминатором Алисы. На корме мужики таскают огромные мешки с рыбной мукой и матерятся на чём свет стоит. Что уж они там не поделили? Бог их знает. Алиса высунулась в иллюминатор.

– Ребята! Прекратите выражаться. Противно слушать.

– Эй, рыжая! Тебя там что, не топчут? Почему такая злая? – спросил бородатый, толстый и пузатый мужик, лет тридцати.

– Не тебе бы говорить, не мне бы слушать. Ты небось забыл, как это и делается. Ишь, пузо распустил! В зеркале только себя и видишь.

– Что Иван, получил? Не задирай красивых женщин.

Мужики заулыбались, Алиса закрыла иллюминатор. По трансляции объявили, что в 21 час, всем членам экипажа, прибыть на общесудовое собрание.

С утра день не задался. В банный день столько работы, что к вечеру, с ног валишься, а тут ещё эта истеричка Анжела, устроила в прачечной такой визг, аж уши заложило, из-за того, что Алиса её не пропустила, без очереди, поменять бельё. С пеной у рта, выскочила из прачечной и понеслась к старпому. Ему пришлось её отпаивать валерьянкой. Потом старпом долго и нудно распекал Алису, доказывая ей, что та только и делает весь рейс, что гробит здоровье членов экипажа. Скоро работать некому будет, так как по милости Алисы, весь лазарет забит больными. Нет, думала Алиса, выходя из каюты старпома, добром это не кончится. Достала меня уже эта старпомовская подстилка. И, что ей надо? Неужели эта дура не понимает, что не сможет она командовать экипажем, даже если будет спать с кэпом. Морду ей что ли набить? Этого мне только не хватало. Никогда у меня ещё столько проблем не было, сколько в этом рейсе. Алиса сменила бельё и заправила постель главмеха. Отжала в ведре половую тряпку и со злостью бросила её, на большой, письменный стол главного механика. Затем, минут пять, возила этой тряпкой по полированной глади стола. Вот только так я могу вам, сытым сволочам, хоть чуть-чуть сделать пакость. Вот у меня сегодня День рождения, а кому я нужна? Кто об этом вспомнил? Алиса в наволочку сгребла грязное бельё и огорчившись уже окончательно, поволокла это бельё в свою каюту. Лень было идти в прачечную и менять эту грязь, на чистое бельё. Да ну, его всё. Сделаю завтра. А сейчас приду, завалюсь в свою кроватку и буду думать, и вспоминать, что-то хорошее, хорошее. Светлое, светлое. Ведь было же в моей жизни, что-то приятное? Было, было. Было, да сплыло. Как быстро годы пролетели. Ведь кажется, ещё вчера ходила в детский садик, а потом первый класс. И я круглая отличница. Все мои тетради с пятёрками на доске почёта. Как же того мальчишку звали, который таскал мой портфель? Ещё, вроде бы не старая, а уже склероз. Постой, постой, сейчас вспомню. Его звали Вася, а я это имя терпеть, почему-то, не могла. Наверное из-за частушки: «Милый Вася я снялася...» Гадость какая! А ещё так называют котов. Ну, наверное, поэтому я его и возненавидела, а ещё, наверное потому, что он отнимал у меня портфель и тащился за мной, аж до моего дома. Все мальчишки нашего класса, бежали по другой стороне улицы и хором кричали нам вслед: «жених и невеста, замесили тесто, тесто засохло, а невеста сдохла.» И я с обидой вырывала у него портфель, и била его этим портфелем по спине, и со слезами убегала домой. А потом мы с мамой получили квартиру и переехали жить в другой район. Мама перевела меня в другую школу. А потом мы, случайно, встретились на танцах уже взрослыми, и этот Вася, вырос красивым парнем, но как ни странно, ни у него, ни у меня, не возникло никаких чувств, хотя и он, и я, узнали друг друга. А ведь в семь лет ходил за мной, как тень и называл меня куколкой. Да я и вправду на куклу была похожа. Все мальчишки за мной бегали. Пирожки, бутерброды дарили. Поэтому девчонки на меня злились. До 16 лет у меня ни одной подруги не было. С мальчишками дружила, а с девчонками нет. Зря меня мама девчонкой родила. Я и форму старалась не одевать. Сколько раз меня из школы выгоняли, когда на мне были брюки. Спасибо директору школы. Вот кто меня любил! Сколько он мне шалостей прощал, за которые другой бы не поздоровилось

Помнишь, спросила сама себя Алиса, как ты притащила на урок французского языка, рыжего котёнка и засунула его в парту, а котёнок возьми да и выпрыгни в середине урока. И выперся, паразит, в центр класса, перед доской. Взял и нагадил. Наш француз был похож

на арлекино. Худой, длинный. Бледное, бледное лицо, впалые щёки, редкие серые волосы на голове и почему-то, всегда сальные и прилизанные. Рот, как нитка. Вечно какой-то плаксивый. Руки ниже колен. Спина всегда сторблена. Круглые, толстенные очки. Он, наверное, ни черта не видел. Ну, как нормальный человек, смотрит перед собой и не видит, что перед ним лужа и кучка, и он умудряется наступить именно туда, подскользнулся и растянулся, перед партами, во весь свой двухметровый рост. Весь класс зашёл в гомерическом смехе, настолько это было комично. И только мне было не до смеха, так как француз считал, что всё зло в классе исходит только от меня. Где-то, конечно, он был прав. Уроков я ему много сорвала. А, как было не срывать? В кинотеатре премьера нового, модного фильма «Королева Шантеклера». Билетов не достать. А я всё-таки купила десять билетов, себе и своим друзьям мальчишкам. Начало сеанса в пять вечера, а у нас в это время урок французского. Ну, кому он нужен этот французский, когда такой фильм о испанской примадонне? Ну, кто устоит? Конечно я с пацанами выгнала весь класс в коридор, вывернули мы все лампочки, к цоколю приклеили бумажки, а затем ввернули их на место. Во всех классах горит свет и только в нашем темно. Нас и отпустили с уроков. На другой день электрик открыл секрет директору, о странном явлении темноты в нашем классе. Директор вызвал меня на ковёр и исключил из школы, ровно на три дня, в надежде, что за эти три дня, я исправлюсь, и морально, и физически, и перестану огорчать учителей своей родной школы, своими фокусами. Много он мне чего прощал, а разлюбил меня в 10 классе. До 10 класса, он мне прощал ношение брюк в школу и мини юбки, но когда я обрезала свои шикарные косы, они у меня были до пояса и каждая толщиной с кулак, он меня просто возненавидел. Носить косы было уже не модно. Что же мне отставать от других? Боже! Какая получилась причёска! Шапка белокурых волос. Головка, как у принцессы. Я сама себе нравилась. И припёрлась я 1 сентября в школу, в клетчатой ковбойке, в мини юбке и туфельки на каблучках. Супер-пупер. Модель с обложки модного журнала. Построение линейки, то есть все классы школы, строились в линейку в центре школьного двора. Директор со счастливым, праздничным лицом, готовый всех и вся поздравить с началом учебного года. И, вдруг, его взгляд останавливается на мне, и резко глаза становятся такими же, как у кобры перед прыжком. Лицо, из розовощёкого, приобретает цвет недозрелой сливы. Вначале он втягивает в себя воздух, а затем, извергает громкий хрип: – Хорошенькая! (Хорошенькая, это моя фамилия и я безмерно благодарна судьбе, за столь благодетельную фамилию. Особенно смешно всегда звучит, когда меня раздалбывают.) Помню, старпом орёт, как бешенный:

– Хорошенькая! Ты почему не сделала то-то...

– Ну, да. Конечно хорошенькая.

И у него всю злость, как рукой сняло. Рассмеялся и махнув рукой, ушёл. Конечно, трудно рапекать человека с такой фамилией, если ещё эта фамилия соответствует внешности. Ну, вот. Орёт директор на весь плац:

– Хорошенькая! Шагом марш на середину!

А я и вправду хорошенькая. Выхожу, как королева. Все улыбаются, ласково на меня смотрят и только директор, как удав на кролика.

– Ты куда пришла, красавица? На подиум? Где твоя комсомольская совесть? Или замуж захотела? Ну, что есть желающие жениться на этой лахудре? Я упала с самосвала, никто замуж не берёт. Я спрашиваю есть?

В тот год готовили два выпуска. Два одиннадцатых и два десятых класса. И все мальчишки сделали шаг вперёд. Моё лицо сделалось пунцовым, как румяный бок персика. Директор от такого бестыдства открыл рот. Огорчённо махнул рукой и ушёл. Завуч противным, тягучим голосом велела мне встать в строй, а желающих на мне жениться, пристыдила и сказала, что им, выпускникам школы, следует думать о хороших оценках и не быть «Митрофанушками». Так мне директор и не простил моих красивых кос. И на меня, стриженную лахудру, не смотрел весь учебный год. И только вручая аттестат, сказал с сожалением:

– Ты сама не понимаешь, какой красоты себя лишила.

И пожелал мне поумнеть. Так мы с ним и простились. И больше никогда не встречались. Наверное он меня не простил, а я его всё равно часто вспоминаю и так тепло, так светло становится от этих воспоминаний. Замечательный он человек. Детей очень любил. Раздолбает, раздолбает, а потом простит, по голове погладит и такое тепло исходило от его рук, такая забота, что некоторые нарочно старались чего-нибудь натворить, чтобы попасть к директору на раздалбон. Алиса повернулась на бок и уставилась взглядом в переборку каюты, как-будто там проносились сцены из её прошлой жизни. А помнишь, как училась в эстрадном училище? Голодно, холодно. Зато весело как! Конечно голодно. Стипендия 35 рублей и из них 15 рублей отдай за квартиру, а не отдашь – тётка выгонит. Во ведьма была! А жадная?! Жаднее её я больше и не встречала людей. Жрёт лапшу с жирной курицей у нас на глазах, её пяти квартиранток, тощих, голодных девчонок. Уплывает, зараза, за обе щёки. А щёки жирные, трясутся. Живот огромный и ходит вверх-вниз и весь колышится от наслаждения. И пот ручьями стекает по морде. Она морду даже не вытирала. Меня, от этой сцены, всегда почему-то тошнило, то есть хотелось быстрее сбегать и блевануть. А у моих сожительниц по квартире, всегда возникало обострённое чувство голода. Наверное потому, что жили впроголодь. Но я ведь тоже не мармеладом питалась. Попробуй проживи на 20 рублей целый месяц. Хватало только на хлеб, маргарин и чай с сахаром. А потом, эта жирная стерва, после жорева, устраивала нам, через стенку, сеансы секса со своим ухажором, то есть, такое же жирное порево, со стонами, вскрикиваниями и противным, противным скрипом панцирной кровати. И бесконечные вопросы:

– Тебе хорошо?

Однажды мои нервы не выдержали и я выскочила в коридор и стала орать, как ненормальная.

– Вы жирные ублюдки! Прекратите орать. Вам хорошо, а мне плохо.

Толстуха вылетела в чём мать родила. Забежала в нашу комнату и через минуту вышвырнула мой чемоданишко за дверь и меня вытолкнула туда же со словами:

– Пошла вон шлюха из моего дома.

А ведь я ей только, только заплатила за квартиру. Плакали мои денюжки. Она мне их так и не отдала. И потащила я со своим чемоданчиком в нашу общагу, в которой для первокурсников почему-то не было мест. Не селили, но надо мной сжалилась комендантша. Сдвинули в одной комнате койки и поставили кровать для меня. И стало нас шесть человек в одной комнате. В тесноте, да не в обиде. Жить стало веселее, но ещё более голоднее. В доме у толстухи я жила с работающими девчонками с ткацкого комбината. И хоть по тем временам, зарплата у них была небольшая, едва дотягивали от аванса до получки, но в светлые дни зарплаты, они позволяли себе праздник живота, а заодно и мне, от их щедрот, перепадало. Им приятно было подкормить дурочку студенточку. Они себя чувствовали на высоте, немножко рокфелерами и смотрели на меня свысока. Я не обижалась. Не до гордости, когда от голода в животе бурчит. А теперь сплошная нищета. Как на грех, в нашей комнате, собрались все те, кому родители помогать не могли. Шмотками мы менялись и поэтому, всегда выглядели прилично. А пригород был зажиточный. Хорошо люди жили. Большие дома, сады. Поросята хрюкают. Люди сало едят. Курки жирные, шустрые сквозь заборы туда, сюда шныряют. Не могла я на такое смотреть. Подговорила девчонок устроить засаду. Купили мы со стипендии леску, большие крючки на большую рыбу, накопили червей, залезли в чащу кустарника, нанизали червяков на гачок и ждём, когда жадная курица заглатнёт нашу наживку. В первый раз мы поймали, аж три курицы. Устроили праздник живота. И так нам это понравилось, что стали мы туда ездить через день. Но сколько верёвочке не виться, а кончик всегда будет. Сидим мы значит в засаде, а курка дура, видно плохо заглатила крючок и разоралась, раскудахталась, как базарная баба. Её, наверное, на весь район было слышно. Вот тут нас тёпленьких и взяли, и под белы ручки в воронок посадили, и в районную милицию привезли. Умница наш директор училища. Ночью вылез из тёплой постельки и притащился в ментовку, договорился с начальством, что берёт нас на поруки и, что с его студентами такого больше не будет. Привёз всех на своей машине в училище, посадил в рядочек в кабинете и стал вежливо спрашивать, как мы докатились до такой жизни. А когда узнал, что мы кур таскали из-за голодухи, попросил у нас даже прощения, за свое бесчувственное отношение к нам. Пообещал, что всё исправит. И правда, вскоре мы зажили и весело, и сыто. Директор из студентов, которые не получали финансовой поддержки, организовал агитбригаду. Взял в аренду автобус, заказал афиши, а инструменты у училища были. И поехали мы по сёлам, по посёлкам с концертами. Я была и конферансье, и певица. В сёлах, где мы выступали, все пацаны в меня влюблялись и бежали за автобусом, аж до околицы села, со свистом и улюлюканьем. Приятно вспомнить. После концерта каждый участник получал по 4 рубля, а я за конферанс на 2 рубля больше. Это были деньги! Но жадность фразера губит. Так и я попалась, как кур во щи. Возвращались мы с концерта и пошёл разговор, кто и сколько сможет сожрать шоколадного мороженого. Я возьми и ляпни, что запросто слопаю 25 штук. Сашка Вернигора остановил автобус и купил 25 эскимо на палочке. Я их с дуру и сожрала. Ума нет – считай калека. Через день попала в больницу с гнойными гландами. При неприятнейшей операции, доложу я вам. Накрылась моя карьера медным тазом. Учёба тоже. Ткнула с горя пальцем в карту Советского Союза с закрытыми глазами, а открыв свои прекрасные очи, обнаружила, что мой пальчик упирается в город Мурманск. Благо билеты тогда

на поезд были совсем дешовые и очень даже доступные для бывших студентов. От юга до крайнего севера, аж до столицы советского заполярья, билет стоил 19 рублей, 40 копеек.

Алиса перевернулась на другой бок и посмотрела на иллюминатор. Боже мой! Уже рассвет. День рождения тю, тю. Можно сказать прошёл в воспоминаниях. И ни одна сволочь так и не вспомнила, что я родилась. Не пожелали мне ни счастья, ни здоровья, ни долгих лет жизни. Так тебе и надо! Сказала она сама себе.

– Ну, ладушки. Пора брать в ручки орудие труда и драить, драить. Когда это кончится? И зачем ты, идиотка, столько лет грызла науки в институте? Чтобы опять вернуться к швабре? Пути Господни неисповедимы. Думаешь одно, а жизнь тебе диктует другое. И получается, как в том анекдоте, – имеешь желание купить дом, но имеешь возможность купить козу. Алиса отёрнула штору, высунула голову, вдохнула морского, прохладного воздуха и ахнула от удивления и восторга. Оказывается мы пришли в Лисабон и стоим на внешнем рейде. Хорошо виден берег, освещённый множеством ярких огней. Сыро. Небольшой дождь. Очень ветренно. Невдалеке стоит сухогруз. Чей, разобрать трудно. Ещё темновато.

В восемь часов ветер усилился, Дымка. Берега почти не видно. Дождь. Экипаж пригласили на общесудовое собрание. Инструктаж по заходу проводил старпом. Он очень интересно стал рассказывать о Лисабоне, что в прошлом году находился здесь 38 дней. Конечно, за 38 дней можно что-то увидеть и познакомиться с городом, а что можно узнать за 6 часов? Галопом по Европам. Старпом продолжал говорить о Лисабоне, и все его очень внимательно, и заинтересованно продолжали слушать. Он говорил, что Лисабон очень большой город, в котором можно легко заблудиться, поэтому увольнение будет только группами, чтобы не потеряться, а не из-за недоверия к экипажу. Ориентир следует держать на статую Христа. Она видна со всех точек города. Высота статуи 108 метров. Под статуей Божий Храм. Статуя построена на средства верующих в честь окончания второй мировой войны. Организовать экскурсию, чтобы всё это увидеть, администрация не может из-за недостатка времени.

В 12 часов видимость улучшилась. Дождь пошёл зарядами. К борту судна подошёл лоцманский катер. Алиса увидела, что на борт, вместе с лоцманом, поднялся бывший секретарь парткома Флота, Жиляев. Ребята говорили, что Мурманрыбпром вместе с какой-то португальской фирмой, организывают совместное предприятие. Жиляев присматривает себе работу. Неплохо пристроился. Коммунисты у нас везде впереди. Без куска с маслом их не оставят. Во, жук! Пол-года назад отстоял в ремонте в Лас-Пальмасае. В рейс естественно, не пошёл. А, зачем? Горбатиться в море есть людишки и помельче. Ага. Смотри! Помполит и дед встречать вышли. Интересно у кого они кирять будут? Кажется пошли к деду.

В 18 часов поставили судно на внутренний рейд. Внутренний рейд в виде бухточки, или скорее, заливчика. Дождь прекратился. Стало тихо и тепло. Низко проплывали облака. Сгустились сумерки. Алиса накинула курточку и вышла на палубу. Темнота обволакивала пароход. И вдруг яркая вспышка света на берегу. Четыре огромных луча, пронзительно яркого света, осветили снизу статую Христа Спасителя. Алиса остолбенела от такого захватывающего зрелища. Христос раскинув руки, как-будто стараясь обнять весь мир, парил в воздухе. Алисе почудилось, что Иисус улыбается ей. Именно ей! А не кому-то другому и спешит к ней по небесам на помощь.

– Ты ведь мне поможешь, правда? Я знаю, знаю, ты меня спасёшь. Неправду говорят коммунисты, что тебя нет. Ты здесь. Ты рядом. И я вижу тебя. Вижу какой ты добрый.

Алиса ещё бы, наверное, долго смотрела на статую и вела бы с ней беседу, но услышала, как к борту подвалил катер лоцмана и два матроса вели под руки, в стельку пьяного, Жиляева. Его пересадили на катер, а заодно погрузили три ящика клыкача. Катер благополучно отчалил от борта судна. Неплохая поддержка для штанов, подумала Алиса. А ведь на собрании капитан дал информацию о том, что имеем на борту 600 тонн клыкача. Без клыкача пришлось бы идти

в Таллин для разгрузки рыбопродукции. Имея клыкач, идём в Мурманск. Каждый ящик клыкача стоит 300 рублей. И чтобы не было потерь ценной рыбы, подменную команду заказывать не будем. Выгрузку будем проводить своими силами. Если потребуется привлечём к охране милицию. Каждый киллограмм должен дойти до прилавок к мурманчанам. Задача благородная, но по-моему, плохо выполняемая. Три ящика уже уплыли в Португалии. Сколько уплывёт ещё? Резкий треск, свист судовой трансляции, испугал Алису. Она вздрогнула и услышала из судового динамика объявление, приказывающее ей, срочно пройти в каюту главного механика. Алиса зашла в свою каюту и повесив в шкаф курточку, пошла к главмеху. Главный механик сидел развалившись в кресле, за своим рабочим столом. Мятая, белая, нейлоновая рубашка, была растёгнута до пупа на груди, которую покрывала пышная растительность, грязного с проседью цвета. Во даёт, удивилась Алиса, голова вся плешивая, а брюхо в шерсти, как у арангутанга. Большой, круглый стол посреди каюты, был заставлен грязной посудой, с объедками закусок. На ковре, возле этого стола, красовались извержения чьей-то блевотины и источали тошнотворный, неприятный запах. Главмех, не поднимаясь из-за стола, посмотрел на Алису пьяным, липким взглядом и кривя рот гнусной улыбкой, тыча коротким, толстым пальцем в сторону стола, нагло и надменно, изрёк:

– Я тебе приказываю быстро это убрать! Чтобы через пол-часа в каюте был идеальный порядок.

От подобного беспредела, Алиса обалдела. Она окинула его презрительным взглядом и сказала:

– Я Вам что, рабыня Изаура? И тружусь на ваших плантациях? Сам наблевал, сам и убирай. За свиньями пусть убирают свиньи. А я работаю на государственном предприятии и чью-то блевотину убирать не занималась.

Она вышла из каюты главмеха и сильно хлопнула дверью. Через несколько минут её вызвали в каюту старпома.

– Как ты себя ведёшь? – заорал старпом. – Это просто возмутительно. Иди немедленно и наведи у деда порядок.

– Нет, – сказала Алиса. – Блевотину и горы грязных тарелок, пусть убирает сам. Или приглашает свою ухажорку. Я этого делать не буду.

– Ну, знаешь, ты уже всех достала.

Старпом, от возмущения наглым отказом Алисы, стал даже заикаться. Такого он ещё не видел за 15 лет на флоте, чтобы какая-то уборщица отказалась выполнять приказ руководства.

– Ну, что ж! – наконец выдал он из себя. – Завтра ты будешь лишена увольнения в город. Понятно?

– Понятно. Хоть сто порций, но за свиньями убирать дерьмо не буду. Можно идти?

– Иди.

По трансляции вновь прозвучало объявление. Старпом вызывал к себе Шурочку. Вскоре Алиса увидела, как с ведром и шваброй, прошла к деду Шурочка. Главмех ненавидел Алису смертельной ненавистью. Из-за этой надменной куклы, сильно пострадал его брат. Эта вредная козявка, сломала всю карьеру Витька. И дернул же чёрт брательника, позариться на эту выдру.

Пять лет не может подняться выше 4 механика. И вообще, чуть гонн с флота не дали, но оставили всё таки мотористом. А визу закрыли. С тех пор и ползает на лихтере по заливу. А ведь дослужился уже до старшего механика. Соплей до локтей. И всё потерял из-за этой сучки. Встретил эту кралячку на свою голову. Витёк ехал мимо кинотеатра «Мурманск». Шёл проливной дождь, а эта фифочка, в шёлковом платьице, стоит на остановке под дождём. Пожалел дурак, посадил в машину и повёз, конечно, на Ленинградку. А кто же мог предположить, что она тоже работает на нашем флоте? И хитрая же змеюка! Ни возмущаться, ни орать, ни умолять его ни о чём не стала, а хитро так говорит, я мол стесняюсь. Выйди из машины, а я раз-

денушь. Витёк уши развесил и вышел из машины. Стал около кустов и отливает себе неспеша. А ключ зажигания, осёл, оставил в машине. Ну, кто же знал, что эта зараза умеет машину водить. Услышав рёв мотора, Витёк повернулся к дороге и увидел, как его волга удаляется к Мурманску. Он рванул за машиной и совсем забыл, что штаны растёгнуты. Штаны сползли, и подскользнувшись на грязи, он упал и весь вывозился в луже. Через 20 минут его подобрали гаишники и отвезли в ментовку. Пол-года таскали в прокуратуру. Чуть срок не припаяли за попытку изнасилования. А кто её дуру насиловал? Сама ведь сказала, что она не против секса. Дело закрыли, но с должности полетел. И смотри, опять кочевряжится. Главмех с досады крякнул, достал с холодильника бутылку коньяка, налил пол-стакана и выпил одним глотком.

Козлов и Витёк уже месяц сачковали в медсанчасти. Палата светлая, чистая. Жратву им приносила Шурочка, а в промежутках между приёмами пищи, резались или в очко, или в подкидного. Увольнения в Лисабоне их, конечно, лишили, и как больных, и как проштрафившихся. Но положенную валюту, они получили. Валюту доверили Саньку, по кличке центровик. Санёк недавно перешёл из мотористов в донкерманы. Уже третий день ждали, когда же этот пёс, отойдёт от запоя и притащит им их спирт. Дверь распахнулась и через коминс переступил Санька центровик, с двумя пакетами в руках. Рожа расплылась в довольной улыбке.

– Ну, что салаги, скучаете? Заждались небось? Ну, ладно, не обижайтесь. Пиначет сёк. Всё время на хвосте крутится. А сегодня он у деда. Киряют наверное. Значит и нам можно. Во, держите.

Санёк протянул Козлову пакет. Тот достал большую бутылку спирта, колбасу, банку крабов. Постелил на табурет полотенце и всё это поставил сверху. Принёс чистые стаканы и плеснул в них, не жалея, чистого, неразбавленного спирта.

– Ну, что мужики, вздрогнем?

– А вдруг, Степанович Иванович, нагрят?

– Не, – сказал Витёк, – он вечером к нам не приходит. Что мы тяжёлые больные, что ли? Мы ведём себя тихо. Сидим, как мышки.

Судно встряхнуло и оно задрожало.

– О! – сказал Козлов, – кажется прибавляем ходу.

– Можешь на слух определить сколько дизель даёт оборотов в минуту?

– Нет, – честно ответил Козлов.

– А я могу, – сказал Санёк. – А, знаешь, из чего состоит салярка?

– Не а.

– Ну и дурак. Дизельное топливо состоит из углерода, водорода, кислорода и серы. Топливо отличается по температуре застывания, по кислотности, по коксуемости, по содержанию механических примесей. Дед вторую вахту заставляет фильтры чистить. И правильно. Не дай Бог дизель задымит. Вазюкаются с железяками, а не в железке причина, а в топливе. Топливо большой вязкости.

– Ты, что, лекцию нам пришёл читать по топливу? – спросил Витёк.

– А что, и не мешает вам послушать, – ответил центровик. – Совсем тупые. Ты знаешь, как дизель устроен?

– Нет, – ответил Витёк.

– А, не мешало бы, знать, раз в море ходишь. Это ведь сердце корабля. Откажет и каюк нам всем. Поэтому, беречь его нужно. А устроен он так. Ну, прежде всего, у него массивная станина – основание. Не будь его, дизель мог бы проломить корпус. На станине крепится цилиндр, такая труба. Её закрывает цилиндрическая крышка. Под крышкой ходит поршень. Когда вспыхивает топливо, оно давит на поршень, тот идёт вниз. Через шатун усилие передаётся на коленчатый вал, он вращается и заставляет вращаться валопровод, который крутит гребной винт. Дизель работает месяцами, практически без остановки. Он, как живой организм: пока у него

температура нормальная – здоров. Повысилась – болен. Чтобы дизель при работе не перегревался, его охлаждают пресной водой. У наших дизелей замкнутая система охлаждения. Насос подаёт пресную воду из бака с цилиндром. Там тепло от них идёт дальше в коллектор. Чтобы температура дизеля была постоянной, к водной системе подключён терморегулятор. Он автоматически пропускает горячую воду, минуя холодильник, если двигатель холодный, или гонит её на охлаждение, если цилиндры горячие.

– Ну, заморочил ты нам головы. Ты пить будешь? Упали нам твои дизели. Давай лучше о бабах поговорим. Слышь, Санёк, а что это у тебя за коробочка такая вся в бантиках? Что там? И куда это ты её прёшь?

– А это, ребяташки, презент одной благородной даме.

– Ты что, Санёк, перегрелся, как твой двигатель? Это кто же на нашем корыте, благородная дама?

– По моим наблюдениям, – сказал степенно Санёк, – благороднее Шурочки, никого из прекрасного пола, у нас на судне и нет. Дама, можно сказать, шикарная телом, пышногрудая, румянец во всю щеку. Подарки любит. И от секса не отказывается.

– Так она же к начальнику радио бегаёт, – сказал Витёк.

– У тебя Витёк застарелая информация. Сарафанное радио уже давно сообщило, что то ли он её бросил, то ли она его бортанула, но только в данный момент, сердце прекрасной девы свободно. И я его хочу завоевать. Видите, приготовил дорогой сервиз в коробке, коробочка конфет «Белочка» и бутылочка фундадэра. Ну, всё мужики. Мне хватит. Надо быть в форме. Вахта у меня с четырёх утра. Так что пошёл я делать амор.

Санёк галантно раскланялся, взял второй пакет, согнулся ещё раз в поклоне, как светский денди и удалился из сан. части.

– А ну к, сбегай за ним. Посмотри куда он пойдёт, – приказал Витёк Козлову.

Козлов подскочил с кровати и рванул вслед за центровиком. Через 15 минут прибежал весь запыхавшись.

– Ну и хитрый же хорёк. Представляешь, у Шурки иллюминатор открыт и выходит на палубу. Я под окошко сел и всё слышал, как он её уламывал. Вот сволочь, умеет лапшу этим мамзелям вешать на уши. Он ей там такое ворковал, что я аж поверил, что это не Шурочка с бандэровщины, а поп дива перед ним. В общем они уже сидят в обнимку на диванчике и хлещут фундадёрчик. Голову даю на отсечение, что через пол-часика он уложит её в кроватьку.

– Слышь, Козёл, я тоже хочу.

– Да мало ли, что ты хочешь. Я может тоже хочу. Но не отдашь же ты свой кофейный набор Шурке? Правильно? Небось домой охота довести.

– Слышь, Козёл, а давай мы её трахнем за Санькин сервиз?

– А, как это? – спросил Козлов, оторопело выкатив глаза на Витька.

Шурочка вышла на палубу с центровиком в 3 часа, 30 минут. Он её обнимал за плечи и нежно целовал в кудрявый завиток около уха.

– Ну, всё Шурёнок. Пока. Мне пора на вахту. Я скоро загляну к тебе на огонёчек.

– А ты, справи, придёшь?

– Конечно, моя прелесть. Ты такая клёвая. Супер. Ну, иди. А то тебе тоже скоро вставать на работу.

Санёк чмокнул её ещё раз в щёчку и побежал на корму в свою каюту. Шурочка зашла к себе и ахнула. На диване, развалившись, сидел Витёк, вытянув свою ногу в гипсе, а сзади неё Козлов закрывал дверь на ключ.

– Шо вам трэба хлопци? – спросила недовольно Шурочка.

На самом видном месте, в центре стола, стояла коробочка в красивой упаковке.

– Шура! Ты, как маленькая, – сказал Витёк.– Такой сервиз и одному. Не пойдёт! Мы его вместе покупали. Так что, Шура, решай! Или мы забираем сервиз, или одариваешь нас с Козлом своей любовью. И сервиз твой. Идёт?

Вскоре свет в каюте Шурочки погас.

Центровик шёл с вахты мимо камбуза. Оттуда раздавались крики и визги шефповара. Ещё нестарая женщина, но оплывшая жирком, с немного кривоватыми ногами, раздалбывала своих поварят, выстроившихся перед ней в линейку.

– Ты чего орёшь? – спросил её центровик.

– Аллюминевую кастрюльку не можем найти, – ответил камбузник.

– А чего её искать? – сказал Санёк. – Твоя кастрюля у Шурочки.

– Что...? – завывала шахиня и уставилась змеиным взглядом на центровика. Его аж передёгнуло, так как один глаз у шехини заплыл бельмом и из-за этого взгляд был жутковатым.

– Что слышала, – ответил Санёк и двинулся к себе в каюту, чтобы отдохнуть после честно выполненной работы на вахте.

Шехиня сбросила с себя поварскую куртку, переобулась и побежала в нос корабля, в каюту Шурочки. Шурочка пришла с объекта и умывалась после трудового дня. Дверь резко распахнулась и в каюту влетела разъярённая шехиня.

– Ну ка стерва, гони мою кастрюлю немедленно!

– Нэма в мэнэ ниякои кастрюли.

– А это что? – спросила шехиня и ткнула пальцем в стоящую на столе коробку.

– Цэ мий подарок. Мэни подарылы.

– Это кто же тебе подарил?

– А тоби якэ дило?

– Ах ты ж, шлюха! – взревела шехиня, схватила коробку и быстро разорвала красивую упаковку, заботливо обернувшую коробку.

Из коробки вывалилась аллюминивая немытая кастрюля. Шехиня этой кастрюлей шарахнула Шурочку по спине, обозвала её всякими непотребными словами и, как вихрь убежала к себе на камбуз.

Шурочка присела на диван и залилась горькими слезами. Как же им не стыдно так обманывать?! Вскоре шехиня разнесла по судну весть, что Шурочка за её кастрюли даёт всем кому не лень. Кто-то смеялся, а кто-то и пожалел Шурочку-дурочку, за её доверчивость и осуждал негодяя, обманувшего так безжалостно беззащитную и доверчивую женщину.

Дошла эта весть и до радиста, который второй день кирял, так как за него вахту стоял нач. радио, задолжавший ему вахты в начале рейса.

Вечером он поднялся в радиорубку и взял громадный магнитофон, на который записывали все поступающие на судно радиogramмы. В карман засунул бутылку фундадёра и поволок магнитофон тремя палубами ниже, в каюту Шурочки. Шурочка лежала на диване и горько плакала.

– Шура! Не плачь, родная, – сказал радист. – Сволочи они. Вот смотри я принёс тебе в подарок магнитофон. Знаешь сколько он стоит? 800 рублей. У тебя почти нет полярков. Ну, что ты там получишь за рейс? Копейки. А тут магнитофон! Продашь и поедешь отдыхать в Сочи.

Ночью пошёл приём радиogramм с берега. Нач. радио, сломал голову, не понимая, куда мог деться громадный, неподъёмный, судовой магнитофон. В радиорубку сбежались все: капитан, старпом, помполит. ЧП. Нет возможности принимать РДО. Всей толпой пошли к радисту, который пьяный храпел в своей каюте. Еле, еле растолкали и от него узнали, что он подарил судовой магнитофон Шурочке. Разбудили Шурочку. Магнитофон стоял под столом, уютно накрытый скатертью. Но она его отдавать не собиралась.

– Ни, вин ёго мэни подарив.

– Ты, что ненормальная? – «Пиночет», аж позеленел и зашёлся от крика. – Это же судовое имущество! Старпом! Готовьте документы на списание. Первым же попутным судном пойдёшь на берег!

Два матроса, кряхтя от тяжести, с трудом потащили магнитофон в радиорубку. Через два дня Шурочку списали и попутным транспортом отправили в Мурманск. Никто её больше никогда в Мурманске не видел, так как после этой истории, ей дали гон с флота. Радист отделался строгим выговором, да ещё его лишили 50% рейсовой премии. Капитан на другой день заставил радиста поднять магнитофон, но он на трезвую голову, не смог оторвать его от палубы.

– Да, великое чудо любовь! Что она делает с мужиками! Какие силы даёт! – сказал капитан.

И простил радиста

Алиса с остервенением драила палубу и злилась всё больше и больше. Ну, дёрнул же чёрт, эту Шурочку-дурочку, позариться на какой-то сраный сервис. Да ты хоть посмотри, что там тебе в коробке подсунули. А потом ещё этот судовой магнитофон. Каждый день убирала радиорубку. Неужели не видела его там? Это же надо быть, по самую жопу, деревянной! Мозгов у неё нет совсем. Какого чёрта прёшься в море, если хочешь зарабатывать передком? Сиди на берегу. Ползай по ресторанам и гостиницам. Там эти шалавы такие бабки зашибают, что нам, морячкам, и не снилось. Так то оно так. Но там ведь девочки-картиночки! Куда этой лахудре до них. Роба то у неё симпатичная, но одевается – мама родная! Так наверное одевались в гражданскую войну. А причёска? Вот чувырла! Её дуру списали, а мне теперь пахать за двоих. И никуда не денешься. Работать то некому. Ну и чёрт с ними. Зато хоть на подвахту гонять не будут.

Анна Ивановна, красивая женщина, но уже довольно перезрелая, даже не Бальзаковского возраста, которую вместо Алисы поставили на должность старшей буфетчицы, открыла дверь и вошла в каюту Алисы.

– Здравствуй Алиса!

– Здравствуйте Анна Ивановна!

– Алиса, ты наверное злишься на меня?

– За что же?

– Ну, получается, что я тебя подсидела. Работаю на твоём месте.

– Глупости всё это. Вы меня что ли, пытались изнасиловать? Не переживайте. Я просто не подошла ко двору. Да и всё правильно. Туда, на эти верха, нужно посылать женщин вашего возраста. В постель они Вас не потащут, а Вы им полный сервис организуете. Приедут представители – Вы стол накроете не хуже, чем накрывают в лучших домах Лондона. Правильно? А в будние дни, в свободное от работы время, кэпу и пельменчики, и омарчики в сливках, и так далее, и тому подобное. Чего ему ещё надо? А для орального секса, старшая буфетчица не нужна. Кто-то другой найдётся. А я жизнью довольна. На меня сейчас, то есть на моё тело, никто не посягает. А дальше жизнь покажет.

– Алисонька! Я зачем к тебе пришла? Ты же понимаешь, я у тебя, практически, ничего не принимала. Ты мне просто ключи передала от всего и всё. А сама ведь знаешь, сколько всякого барахла висит на старшей буфетчице. Что-то я не совсем могу разобраться. Особенно с той кладовой, где лежит барахло на списание. Интересно, сколько лет они его копили? Почему столько лет не списывали? Старпом сказал, чт если я со всем этим не разберусь, то он мне всё это впишет в атестат, как новое. Алиса! Это что же получается? Выходит, что я рейс отхожу зря? Пойми! Мы с мужем квартиру получили. Я почему на старости лет в море пошла? Мебель новую хотим купить.

Анна Ивановна заплакала. Алисе стало жалко женщину.

– Да успокойтесь Вы! Я завтра же Вам все акты на списание помогу оформить. Давайте ключи от кладовой. Не волнуйтесь. Время у нас ещё уйма до прихода. Всё сделаем тип-топ.

Анна Ивановна со слезами благодарности покинула каюту Алисы. Ну, даёт, подумала Алиса. Мало мне своей работы, делай ещё чужую. А ведь тётке надо помочь. Уж хитросделанный этот старпом Мазепин, так и хочется сказать, Мажопин. Обдурит бабушку. Пол парохода сопрёт, а на неё всё спишет. Нет! Не доставлю я ему такого удовольствия. Хам трамвайный! Проучу я тебя. Я им там наверху, поэтому и не нравлюсь. Слишком умная и много вижу. Ничего голубы. Я и отсюда не слепая. И все ваши фокусы вижу досконально. А последнее время, каждый сэртэшка, что-то очень долго стоит под бортом. Никогда раньше не видела,

чтобы столько часов СРТ закачивало топливо. Ну, самое большое три часа качали. А сейчас, и пять, и шесть часов. Значит топливные танки сэртэшек закачивают под завязку. А зачем им столько? Продают топливо. Это точно. А откуда ящики фундадэра, пиво, дорогие фрукты, американские сигареты? Всякие там ананасы и прочее? Это всё между прочим денег стоит. А в каждой каюте комсостава ящиков море. И на каждое СРТ ящик с клыкачём исчезает. Я уже и со счёта сбилась, сколько перегрузили. И это только то, что я видела. А сколько не видела? Ведь я же ещё и сплю.

– Слушай, – сказала себе Алиса, – а нафик тебе это нужно? Тебе ведь ни холодно, ни жарко. А вот дудки! Зло берёт.

Что же они хапают, что ж они страну растаскивают? Неужели не понимают, что у них не десят жизней, а всего одна. Ведь в могилу всё награбленное с собой не утащат. Интересно, а куда же кэп смотрит? Как то не верится, что он с ними заодно. Лучший капитан флота! Да каждый, кто о нём слышал, старался попасть к нему на пароход. План всегда брал. Премии. Заходы в лучшие порты мира. Не повезло мужику, когда были выборы управляющего Флота. Во чудеса! Лучших отмели, а выбрали начальником Флота худшего из худших капитанов. Да я его ещё вторым помню. У него уже тогда морда жирная была. Штаны мешковатые, а сзади оттопыривались, как-будто он в них наложил. Ни одного путёвого корабля у него не было. Никогда с планом не пришёл. Никогда команда премии не получила. Сезонников сейчас на флоте пруд пруди. Понаехали хапуги со всей страны. Чуток хапнуть и смыться домой. Он этим сезонникам, на выборах, наобещал всем по машине разрешить привезти из европейских стран. Они и рады стараться. Профукает этот гусь Флот. Как пить дать. Слышала я, что его жена уже фирму в Португалии организовала, поэтому почти каждое судно заходит в Лисабон. А что мы знаем рядовые члены экипажа? А ничего. Неужели кэп от обиды тоже стал рвачём? Не думай ты ни о чём, сказала она себе. А о чём думать? О хорошем. Ведь было же что-то. Пусть эти пауки жрут друг друга. Ты здесь причём? Оно тебе надо чужое горе? Своего выше крыши. Наверное самые лучшие годы – это студенческие. Помнишь профессора Солнцева? Какая красивая фамилия. И сам он был для нас, как солнышко. Добрый, седой, красивый старик. На его экзаменах билеты не были раложены на столе. Ассистент подавал пакет и из него мы тянули билеты. И студенты часто передёргивали билеты. Ассистент возмущался, а профессор качал головой и осуждающе смотря на ассистента, говорил:

– Не мешайте, пожалуйста, раз студент ищет, значит что-то знает.

А помнишь, как сдали сопромат? И всей группой пошли отмечать в ресторан «Волхов». Сложились. Денег в обрез. Пили зелёный ликёрчик шартрез, а закусывали салатом оливье. Вся наша группа курила и только Вовка Ленин (сибиряк, у них там всё село Ленины, а жена у него Надежда. Мы её Крупской звали.) Ленин не курил. Студенческий билет и прочие документы положил в папку. Папку отдал мне, а сам вышел из ресторана на Литейный проспект подышать воздухом. Одев верхнее пальто мы толпой вышли из ресторана. Вовки нигде не было.

– Наверное пошёл в общагу, – сказал Сашка «шкаф».

Прозвище «шкаф» Сашка получил ещё на первом курсе, так как рост у него был 2 метра и очень широк в плечах. Парень весёлый, добродушный и необидчивый. В общаге, от вахтёрши, узнали, что Ленин ещё не приходил. Да где же он? Я села на телефон и стала обзванивать все больницы. Ребята побежали на Литейный проспект. В больницах Ленина не было. Обзвонили все отделения милиции. И через два часа, наконец-то, дежурный какой-то ментуры, переспросил меня:

– Как говорите его фамилия?

– Ленин, – отвечаю.

– А имя? – заорали в трубку.

– Владимир.

– Где его документы? – спросил охрипший голос.

- У меня его папка, а в ней все документы.
- Говорите адрес. Сейчас привезём.

Мы всей нашей группой сгрудились около дверей общежития. Через 20 минут подъехал ментовоз. Из машины вышли два мента, с портфелем в руках и наш Вовчик, с распухшей мордой и подбитым глазом. Старший лейтенант проверил протянутый мною паспорт, студенческий билет. Поговорил с вахтёршей и полностью поверив, что это настоящий Ленин, вручил Вовке портфель и похлопав его по плечу, сказал:

- Извини, браток. Промашка вышла.

Всей толпой поднялись в комнату Володи. Он вытащил из портфеля три бутылки коньяка, палку сервилата, две банки чёрной икры. От Ленина мы услышали рассказ о его злоключениях. Выйдя из ресторана, Ленин распахнул пальто и полной грудью вдыхал свежий, морозный воздух. Рядом остановилась милицейская машина, из которой выскочили два сержанта, и не спрашивая ни о чём, заломили Володе руки за спину, и втолкнули его в ментовоз. В отделении сразу же провели в кабинет для допроса. За столом сидел старший лейтенант. Сержанты, толкнув задержанного к стулу, встали рядом с обеих сторон и в правой руке стали поигрывать резиновой дубинкой.

- Фамилия? – спросил офицер.
- Ленин, – ответил задержанный.
- Имя.
- Владимир.

Офицер поднял голову и взглядом очковой змеи, уставился на задержанного.

- Отчество.
- Иванович.
- Ты, что падла, издеваешься над вождём революции?

Старший лейтенант, выскочил из-за стола и кулаком, врезал допрашиваемого в глаз. Удар был такой силы, что Володя упал на пол вместе со стулом. Сержанты подняли стул вместе с задержанным.

- Ах ты ж, сволочь, отчество вождя не помнишь? Двинь эту гадину, – велел он сержанту. Тот ударил резиновой дубинкой.
- Фамилия, – заорал вновь лейтенант.
- Штирлиц, – ответил Володя.
- Да он издевается над нами гад, – взревел офицер.

Сержанты набросились на Володю и стали его, лежащего на полу, пинать ногами. В это время в кабинет вбежал дежурный по отделению и что-то стал говорить офицеру на ухо. Офицер приказал прекратить избиение. Володю вывели из отделения милиции, посадили в машину и отвезли в общежитие.

Спать совершенно не хотелось, а воспоминания нестолько успокоили Алису, сколько огорчили. Вспомнилось избитое, распухшее лицо Володи. И спрашивается за что? За фамилию человек пострадал. Так он её не присвоил, не взял, как псевдоним. Она ему от рождения дана. За иллюминатором послышался удар тяжёлого, железного предмета, упавшего на железную палубу. Резкий вскрик человека, маты, стоны, перебранка полушопотом мужских голосов. На море был полнейший штиль. На соседнем пришвартованном судне, громко залаяла собака. Ну, как в селе, подумала Алиса и хотела уже задраить иллюминатор, чтобы посторонние звуки не долетали из вне, так как уснуть практически невозможно, как неожиданно, её остановил диалог из иллюминатора:

– Ты что, Витёк, совсем опупел? Ну, тупой! Дубина! Ну, нафик тебе ОУБ-три? Там же коктейль брометила с кислотой и воздухом. Он не разборный. Его только знай взвешивают. Повесь на место.

– Вот падла! – услышала Алиса голос Витька. – Козёл! Ты зачем уронил мне его на больную ногу, сучара?

– Витёк, я нечаяно, честное слово. Извини.

Со стороны палубы, за переборкой, послышалась возня, металлический шелчок и быстро удаляющиеся шаги. Алисе очень захотелось посмотреть, чем это ночью, на палубе, занимается неразлучная троица друзей. Чего это им не спится? На вахту им с четырёх утра. Что это их черти мордуют? Почему не спится? Почему они по судну шляются? Шурочку давно списали. Желающих на них позариться более нет, а им всё не спится. Ишь ты, шастают. Интересно, с чего бы это? Алиса накинула курточку и осторожно открыла дверь, стараясь всё сделать очень тихо, чтобы не привлечь внимания троицы, которая спускалась по трапу на корму судна, тихо передвигаясь по железной палубе. Это, наверное, неспроста, подумала Алиса. Она увидела, как троица подошла к пожарному щиту, посмотрела на ломы, багры, топоры и вёдра, а затем центровик подошёл к щиту и сняв огнетушитель, встряхнул его. Нет, не тот. Они двинулись дальше. Возле очередного огнетушителя центровик остановился, снял его, протёр ветошью, затем прикинув на вес, встряхнул, внимательно осмотрел крышку и отвернул её. Вылил жидкость из большого красного стакана. Алиса остолбенела. Светила полная луна и свет падал на предмет, который держал центровик, кроваво яркого цвета.

– Видите мужики, – сказал центровик. – Вот сюда мы положим все наши сбережения. Вы знаете кто их дал. Но молчок. Смотрите, всем поровну. Здесь три косых зелёных. Нам их в жизни не заработать. Сюда ложим. Придём на берег, заберём. Только мы знаем где они лежат. Думаю, что среди нас нет крыс. Придём с рейса, заберём. Запомнили? ОП-М №21.

Центровик что-то завернул в тряпку и опустил в огнетушитель. Затем сунул туда ещё один свёрток и закрутив крышку огнетушителя, повесил его на прежнее место.

– Ты, чего Санёк, даже не дал денюжку пересчитать? – спросил его Козлов.

– За кого меня держишь? Я, что фуфло? Вон, смотри, с сээртэшки концы дают. Хочешь чтоб мы опоздали? Ну ка, давай мигом принимай. Надо быстро убираться, пока никто не видел. Живей лови.

Алиса, из укрытия за трубой, смотрела, как Козлов, Витёк и центровик, согнувшись за борт и выловили конец каната, пропустили его через буш-принт и вытянули на корму один мешок, затем второй, а через некоторое время и третий. Отсоединили их от каната. Затем отдали канат на соседнее судно. Центровик открыл дверь судовой трубы, которая расположена на корме, внесли туда мешки и скрылись. Ну, вот и всё, подумала Алиса, ищи их теперь, свищи. Сверху их ещё можно проследить, что они делают и чем занимаются, а внутри судна? Да там же столько всяких проходов, где ползают донкерманы, механики. Алиса подошла к трубе и дёрнула за дверцу. Дверка была закрыта изнутри. Ну, вот и всё. Никогда мне не узнать, что было в тех мешках и для кого они предназначались. Вот уроды! Что делают! Центровик говорил, да не сказал до конца. Чёрт подери, надо хоть посмотреть, что они там в огнетушитель положили. Они говорили про какую-то зелень.

Небо резко потемнело и яркая, полная луна ушла за тучу. Пол неба над судном разрезала ослепительная, клинообразная молния. Корма осветилась. Как выстрел грянул гром и через минуту на судно обрушился тропический ливень. Дождь лил, как из брандспойта. Алиса за две секунды промокла до нитки. Ну, до чего же хотелось бы посмотреть, что они туда положили. Но, как это сделать? Наквозь мокрая и злая, Алиса, полезла по трапу вверх и едва успев открыть дверь палубы в коридор, увидела страшные вспышки молнии и услышала раскаты грома. Открыв дверь своей каюты, она увидела, как тропический ливень хлещет за открытым иллюминатором. Промокшая до нитки и оставляя на палубе мокрые следы, она подбежала к иллюминатору и задраила его. Закрыв дверь на замок, сняла мокрую одежду и обтёрла всё тело махровым полотенцем. Одеда ночную рубашку и забралась под одеяло. Господи, зачем тебе всё это надо? Спи родная, подумала о себе Алиса и уснула здоровым и крепким сном.

Алиса парила по воздуху над огромным, ярко зелёным и мокрым лугом. По мокрой, пышной траве нёсся вскачь белый, белый конь. Грива и хвост развевались по ветру. Конь ржал и косил огненным взглядом на Алису вверх, которая проплывала над ним.

– Э нет, я тебя обгоню, – сказала ему Алиса и легко, без усилий, взмахнула руками и упорхнула в небо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.